кие западнорусские публицистические сборники, как «Кириллова книга» (1644 г.) и «Книга о вере» (1648 г.). Этими книгами зачитывались и Никон, и Аввакум.

Киевский митрополит Петр Могила уже провел у себя церковную реформу. Приблизив западнорусскую обрядность к греческой, чтобы успешней бороться с католицизмом, он создал условия для быстрого расцвета просвещения.

Выросло новое поколение западнорусских писателей-профессионалов, вооруженных достижениями тогдашней науки — схоластической философией и диалектикой.

Алексей Михайлович написал в Киев, славившийся своими учеными, и просил прислать в Москву священноиноков Арсения Сатановского и Дамаскина Птицкого, которые «божественного писания ведущи и еллинскому языку навычны, и с еллинского языка на славенскую речь умеют, и латынскую речь достаточно знают». Тогда же приехал из Киева и Епифаний Славинецкий. Им поручили сверку русских книг с греческими текстами.

Ртищев основал целое училище у церкви Федора Стратилата, близ дороги из Москвы в Киев. Тут он построил монастырь и поселил в нем тридцать монахов, приглашенных из Киево-Печерской лавры и других украинских монастырей. Царский любимец сблизился с Епифанием Славинецким и другими учеными украинцами, проводил с ними иногда целые ночи в беседах и спорах.

18

На все эти новшества немало повлиял и приезд иерусалимского патриарха Паисия, ловкого политика, покорившего царя и его окружение умением мыслить широко и перспективно. Паисий знал, с какой надеждой следили за успехами Руси болгары, сербы, греки и другие православные, низведенные турецкими завоевателями до рабского состояния. По дороге в Москву он заезжал к Богдану Хмельницкому и беседовал с ним. Красноречивый сириец

Паисий увлек своих московских слушателей картиной всеправославного государственного объединения во главе с русским царем.

В Никоне, который был в то время всего лишь спасским архимандритом, Паисий углядел восходящее светило и не жалел времени для встреч и длительных бесед с честолюбивым монахом. Недаром он писал царю о Никоне: «Полюбилась мне беседа его; и он есть муж благоговейный и досуж и верный царствия вашего». Слушая Паисия, Никон, надеявшийся тогда на патриарший престол, уже видел себя вселенским патриархом, уже распоряжался судьбами гигантской империи, которая протянулась бы от северных морей до самого Египта.

В беседах между Паисием и Никоном, несомненно, был затронут вопрос о некоторых расхождениях между русским и греческим обрядами. Известно, что Паисий «зазирал» Никона, в частности, за неправильное изображение крестного знамения. Греки и все прочие православные крестились тремя перстами, а русские — двумя. Это и другие «отклонения» могли стать серьезным препятствием на пути Москвы к вселенскому главенству. И Никон охотно соглашался с Паисием, когда тот говорил, что русская церковь постепенно уклонилась от древнего греческого обряда.

Но и тот и другой плохо знали историю. Ранние христиане крестились одним перстом или всеми пятью. Потом греки стали креститься двумя перстами, что и было заимствовано у них при крещении Руси. У греков было два устава — иерусалимский и константинопольский. Греки принесли на Русь константинопольский устав. В Византии же в XII — XIII веках стал преобладать иерусалимский. Многое изменилось и при турецком владычестве. А на Руси незыблемо сохранялись древние обряды.

Далеко не все в Москве верили на слово Паисию. Многие считали, что греки давно уже потеряли истинное благочестие, тем более что приезжие греки своими нравами не внушали никакого доверия. Для проверки правильности

русских обрядов в Грецию был послан ученый богослов из Троице-Сергиевой лавры Арсений Суханов.

Паисий привез с собой в Москву ученого-богослова и переводчика, тоже Арсения, которого с радостью взяли на службу. И снова москвичей постигло жестокое разочарование. Паисий, лихо поторговавшись с самим царем, выпросил на четыре тысячи соболей и уехал, но вскоре в Москве получили от него письмо, разоблачавшее оставленного им Арсения. Этот авантюрист, переходивший из веры в веру, начиная с иудейской, на допросе показал, что в Италии он был католиком, в Турции магометанином, в Польше — униатом. То же самое подтвердил и Суханов, усердно собиравший на Востоке не только древние греческие книги...

Ренегата Арсения, прозванного на Руси Греком, тогда же сослали в Соловки. Но ему еще предстояло всплыть на поверхность и связать свою судьбу с судьбой Никона...

А тем временем новгородский митрополит Никон неуклонно думает о патриаршем престоле, добивается царского уважения и доверия весьма простыми, но сильными средствами. В письмах к набожному царю Никон рассказывает о чудесах, якобы случившихся с ним и предопределявших его, Никона, высокое предназначение в жизни. В Софийском соборе он будто бы осязал на своей «грешной голове» золотой царский венец. Во время новгородского восстания 1650 года он рьяно отстаивает царские интересы. Восставшие, когда Никон пытался их уговаривать, ухватили его «со всяким бесчинием, ослопом в грудь ударили и грудь расшибли, по бокам били кулаками и камнями, держа их в руках». Он пишет, как избитый все-таки служил литургию. «И назад больной, в сани взволясь, приволокся и ныне лежу в конце живота, кашляю кровью и живот весь запух».

С чьей-то легкой руки русскому народу как извечное свойство приписывают неисчерпаемую терпеливость и покорность. Многочисленные расправы с воеводами и цер-

ковниками в XVII веке опровергают это утверждение. Исполненный чувства своего достоинства, трудовой русский человек восставал против несправедливости и притеснений и отвечал жестокостью на жестокость.

19

Наступил 1652 год. Год изгнания взбунтовавшимся народом протопопа Аввакума из Юрьевца. Год триумфа Никона.

Три последних года жизни патриарха Иосифа ревнители благочестия фактически руководили церковью. И Никон целиком и полностью был солидарен с ними, осуществлял у себя в Новгороде их идеи, непрестанно советовался с Вонифатьевым и Нероновым. Никон даже заискивал перед царским духовником. Подарил ему щегольской епископский головной убор, хотя это и не было положено тому по чину. Вместе они подбирали людей на высшие церковные посты. Вместе они задумали торжества, ставшие апофеозом русского православия.

Решено было перенести в Успенский собор останки патриархов и митрополитов, похороненных вне его стен. В марте перенесли тело патриарха Гермогена, замученного поляками. Затем останки патриарха Иова из Стариц. И наконец, в Соловки за останками митрополита Филиппа едут с большой свитой Никон и князь Никита Хованский.

Боярин Федор Колычев бежал при Иване Грозном в Соловецкий монастырь и стал его игуменом под именем Филиппа. За десяток лет он так благоустроил и укрепил северный остров, что и в наши дни не устаешь восхищаться гением и трудолюбием людей, которые возвели неприступную крепость из валунов величиной с добрый дом, соединили каналами полсотни озер, развели сады у самого Полярного круга, завели в громадных палатах калориферное отопление... Иван Грозный заставил Филиппа занять престол всероссийского митрополита. Но Филипп обли-

чал опричнину, и за это его заточили. По приказу царя Малюта Скуратов задушил Филиппа подушкой. При Алексее Михайловиче митрополит был канонизирован. Никон рассказал царю, как византийский император Феодосий-младший прославился перенесением останков Иоанна Златоуста в Константинополь. Мать императора, виновная в смерти праведника, получила за это от церкви прощение. Алексей Михайлович, считавший себя потомком и продолжателем дела Ивана IV, увидел в идее Никона великий символ.

И кому же было ехать за останками Филиппа, как не тому же Никону. Подобно императору Феодосию, царь вручил Никону письмо с обращением к Филиппу, в котором просил жертву своего грозного предшественника простить «согрешение прадеда нашего царя и великого князя Иоанна, совершенного против тебя нерассудно завистью и неудержанием ярости».

В отсутствие Никона скончался патриарх Иосиф. Письмо за письмом шлет царь Алексей Михайлович «собинному (особенному) нашему другу душевному и телесному», доверительно сообщает о всех московских делах, просит совета и благословения.

Письма Алексея Михайловича полны смирения и веры в человека, которого он прочит в новые патриархи.

Только двое могли с успехом претендовать на патриарший престол: «отец духовный» царя Стефан Вонифатьев и Никон. Ревнители благочестия хотели Вонифатьева.

Именно в это время и появился в Москве незадачливый юрьевецкий протопоп Аввакум, сразу вступивший в предвыборную борьбу и страстно ратовавший за царского духовника.

Он так и не вернулся в Юрьевец, несмотря на недовольство царя и Вонифатьева. Очевидно, за большими событиями о его провинности забыли, да и нужен был ревнителям в Москве горластый протопоп. Вызволив протопопицу Настасью Марковну с чадами из Юрьевца и поселив ее

на дворе у своего благодетеля Ивана Неронова, Аввакум служил иногда в Казанской соборной церкви и на паперти читал народу книги.

Уже по приезде он принял участие в важном совещании ревнителей благочестия, которые «с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками, подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах».

Но Стефан Вонифатьев свою кандидатуру отвел. Царский духовник был весьма неглуп и прекрасно знал, что Алексей Михайлович в душе уже определил свой выбор. К тому же Вонифатьев был хвор и чувствовал, что он уже не жилец на этом свете.

Царский духовник прямо указал на Никона как на достойного преемника покойного патриарха. В одном из писем царь поспешил намекнуть об этом Никону: «Ожидаем тебя, святителя, к выбору, а сего мужа три человека ведают: я, да казанский митрополит (Корнилий), да отец мой духовный».

Никон для ревнителей благочестия был «наш друг», и они его поддержали.

Девятого июля 1652 года вся Москва встречала останки митрополита Филиппа. Вдоль дороги стояли хоры певчих, звенели колокола во всех церквах, плакали и стонали неизлечимые больные, приползшие и принесенные в надежде на чудо... «И стоял звон десять дней... — писал царь. — Во всю десять дней без престани... С утра до вечера звон...»

«Светлосияющий архиерей...» Никон в этом же месяце был выбран в патриархи и... отрекся. Он помнил, какая власть была в руках патриарха Филарета, носившего официальный титул «великого государя», а не «великого господина», как его предшественники. Но Филарет был отцом царя.

Никон хотел такой же власти.

Крестьянский сын Никитка Минин добился своего. В Успенском соборе сам царь стал пред ним на колени и со слезами на глазах умолял не отрекаться.

— Обещаете слушать меня во всем, как архипастыря и отца крайнейшего? Дадите ли устроить церковь? — вопрошал Никон.

И все во главе с царем клялись ему, что обещают, дадут...

Ревнители благочестия были в соборе и клялись вместе со всеми. Но, как потом напишет Аввакум, не знали они, что «врага выпросили и беду на свою шею».

20

По возвращении из Соловок Никон, уже знавший об отказе Вонифатьева, поспешил явиться к царскому духовнику и другой «братии», как называли себя своенравные и крутые ревнители благочестия, «с поклоном и ласками».

«С нами яко лис, — вспоминал Аввакум, — челом да здорово. Ведает, что быть ему в патриархах, и (опасается. — *Д. Ж.)* чтобы откуля помешка какая не учинилась».

«Помешки» не было, и Никон был поставлен патриархом. И тотчас изменил свое отношение к прежним друзьям. Он не то что в свою келью, но и «в крестовую не стал пускать».

Самолюбие ревнителей, уже усвоивших придворную чванливость, было уязвлено. Никон сразу же «возлюбил стоять высоко, ездить широко» и завел свои строгие порядки на Цареборисовом дворе, подаренном ему Алексеем Михайловичем и ставшем патриаршьим двором. Здесь же, против северных дверей Успенского собора, отделывались новые патриаршьи хоромы, громадная «крестовая палата» — приемный зал главы церкви — с ее большими окнами и чудесными цветными изразцами. А пока Никон принимает в «крестовой», что в доме царя Бориса, и без доклада, как было прежде, привратники к патриарху не пускают никого. Бояре и те подолгу дожидаются приема, входят к патриарху со страхом и не смеют сесть в его присутствии.

И такому человеку ревнители благочестия собирались указывать, что ему делать. Он должен был «внимать прилежно глаголам» Неронова и, подобно предыдущему патриарху Иосифу, с беспокойством наблюдать за их хозяйничаньем. Не тут-то было. Даром, что ли, он оговорил себе право быть независимым даже от царя и его ближних бояр? Иметь дело с царским духовником Стефаном еще куда ни шло, но выслушивать назидания от прочей мелкой сошки, вообразившей, что праведнее ее нет никого?.. Увольте. «Знаю-су я пустосвятов тех», — презрительно скажет Никон.

Но сперва Никон, казалось, продолжал дело «братии». Расставлял всюду верных ему людей. Занимался благотворительностью — строил дома для инвалидов и стариков. Поражая иностранцев, сажал за свой патриарший стол до двухсот нищих и калек. Закладывал церкви и монастыри. Уже на семнадцатый день после поставления в патриархи добился указа, запрещавшего продажу водки по праздникам и некоторым постным дням. На каждый город был оставлен только один питейный дом, и в нем продажа водки ограничивалась одной бутылкой на человека.

Еще через четыре недели появился указ о закрытии кабаков в вотчинах и поместьях. Никон хотел очистить деревню от ростовщиков — деньги в рост по большей части давали зажиточные содержатели питейных заведений.

Четвертого октября 1652 года всех иностранцев перевели на берег Яузы, запретили им одеваться в русское платье и держать русскую прислугу. Начался повальный переход иностранцев в русскую веру...

В церкви Никон завел железный порядок. Перед этим прирожденным администратором заискивали даже царские «министры», а уж о страхе его подчиненных и говорить нечего...

Царь Алексей Михайлович жаловал своему «собинному» другу новые и новые владения, из которых патриаршьи чиновники выколачивали все больше доходов. Но Никон не забывал и своих старых владений. Например,

города Юрьевца. Обнаружилась недоимка, и снова была поставлена на карту репутация юрьевецкого протопопа Аввакума, подмоченная его бегством из города. Покидая Юрьевец, Аввакум успел захватить деньги и внес их в Москве в патриарший приказ. Это был налог за бракосочетания. Но Аввакум так усердствовал в Юрьевце, что собирал «подвенечную пошлину» и с тех, кто жил «в блуде», без церковного брака. 9 рублей 22 алтына и 3 деньги сдал он лишних патриаршьему казначею. Зато, бросив город, он недобрал на другом, и теперь его привлекли к ответу.

Собрал, не собрал — до этого никому нет никакого дела. Должен — плати. Нет денег — пожалуй на правеж. Привяжут несостоятельного должника к столбу и бьют палками по икрам каждое утро, пока не выколотят следуемых денег или не отпишут имущества на того, кому задолжал.

А какое было тогда имущество у Аввакума? Ни кола ни двора. Вот и взяли его патриаршие люди на правеж, били по ногам, мучили «недели с три по вся дни без милости, от первого часа до девятого». Спасибо, дал откуп Стефан Вонифатьев, а то были у Аввакума «всяк день... полны голенища крови».

Наказанье батогами на Руси не считали бесчестьем. После порки Аввакум как ни в чем не бывало являлся в дом к постельничьему Ртищеву, вел душеспасительные беседы с его сестрой Анной, великой постницей и почитательницей Неронова и... Никона. Нет, не батоги были темой непрестанных разговоров Аввакума и с братией. Надвигалось нечто совсем небывалое и по небывалости своей страшное...

21

Ни на день не забывал Никон своих давних разговоров с патриархом Паисием. А тут в декабре приехал в Москву посол Богдана Хмельницкого войсковой судья Самойла Богданович с челобитьем к царю, чтобы принял тот Запо-

рожское войско под свою высокую руку. На шаг ближе стала мечта Никона о вселенском патриаршестве, о великой православной империи. Константинопольский патриарх Афанасий Пантеллярий призывал царя и Никона двинуть рати на Царьград и вернуть православию храм святой Софии...

Было от чего закружиться голове, даже такой крепкой, как у Никона. Он верил в несокрушимость Русского государства и увлекал мечтами молодого царя. И не под этим ли влиянием всегда осторожный Алексей Михайлович через несколько лет сделал заявление, ставшее широкоизвестным в православных краях. Христосуясь с греческими купцами, оказавшимися на пасху в Москве, он спросил, желают ли они, чтобы Россия освободила их от турок.

— Как может быть иначе, как нам не желать этого! — ответили греки.

И тогда, обратившись к боярам, царь сказал:

— Мое сердце сокрушается о порабощении этих бедных людей, которые стонут в руках врагов нашей веры... Со времени моего отца и предшественников его к нам не переставали приходить постоянно с жалобой на угнетение поработителей патриархи, епископы, монахи и простые бедняки, из которых ни один не приходил иначе как только преследуемый суровой печалью и убегая от своих господ... Я порешил в своем уме — если богу будет угодно, я принесу в жертву свои войска и казну, пролью кровь свою до последней капли, но постараюсь освободить их...

Уже зрели и планы выхода Московского царства к Балтийскому морю...

И, принимая желаемое за действительное, Никон сокрушался по поводу нескладицы в обрядах. Во всех православных странах одно и то же, только в Москве не так. Значит, здесь ошибки, и здесь их надо исправлять. Вот и Епифаний Славинецкий говорит, что в Киеве все по греческому чину. Славинецкий перевел для Никона деяния константинопольского собора 1593 года, на котором восточные пат-

риархи согласились на создание патриаршества в Москве при условии, если русская церковь будет соблюдать все догматы православия. Как же Москва сможет руководить всеми, если будет настаивать на ошибках? И Никон принимает почти единоличное решение провести реформу.

Этим он сразу превратил протопопов — ревнителей благочестия — в своих врагов. Они верили в непогрешимость русских книг и русских обрядов. Они не верили лукавым греческим иерархам, потерявшим всякое достоинство под турецкой властью. Недаром Неронов потом напоминал Никону: «Иноземцев ты законоположение хвалишь и обычаи их приемлешь, благоверными и благочестивыми родителями их называешь, а прежде ты же сам много раз говорил, что греки и малороссияне потеряли веру и твердость и что добрых нравов у них нет...»

Никон затребовал из монастырей и церквей старые богослужебные тексты — 2 700 служебников, уставов, псалтырей, евангелий и других книг — для сличения с книгами иноземными. Изучение старых славянских и греческих книг подсказало бы Никону, что большая часть расхождений с современными греческими книгами не была виной русских переписчиков и печатников. Но такой титанический труд остался лишь благим намерением. Никто не сверил новые книги со старыми, не убедился, что разночтения чисто формальные.

Просто у греков и других православных с течением времени немного изменились тексты и обрядность, а на Руси нет.

Для сверки были взяты современные греческие книги венецианского издания конца XVI и начала XVII века. Начинает печататься новое издание псалтыри со значительными изменениями.

Это был по тем временам шаг невероятно смелый. В десятках тысяч церквей миллионы прихожан сотни лет слышали слова молитв, привычных, с детства заученных на память. И вдруг эти слова, порядок слов и традиционный

ритуал меняются! Психика с трудом приспосабливается к подобным переменам. Добавление или выпадение некоторых слов в молитве воспринималось как нечто очень досадное и тревожное, как фальшивая нота в знакомом напеве.

В помощь Славинецкому, подготавливавшему исправление русских богослужебных книг, Никон вызвал из Соловок Арсения Грека. Сосланный за ренегатство в северную обитель, Арсений и там остался верен себе. Он так усердно молился и крестился двумя перстами, так нахваливал местные обряды, так часто говорил монахам: «Воистину, братья, у нас, греков, и половины веры нет», что приезжавший в Соловки Никон услышал о нем самый благожелательный отзыв. Гибкая совесть Арсения Грека позволила ему мгновенно переключиться на хаяние тех же обрядов, и он занял видное положение при патриархе. Появление его в Москве подлило масла в огонь.

Когда Никон (еще митрополит) вошел в темницу к Арсению, ловкач поклонился и елейным голосом попросил:

— Святый патриарх российский, благослови!

Легенда об этом пророчестве, «волшебном и еретическом», послужившая будто бы причиной возвышения лукавого выкреста, еще долго распространялась врагами Никона.

Изменения в псалтыри вызвали недовольство ученых справщиков Печатного двора Ивана Наседки, старца Савватия и Силы Григорьева, близких по взглядам к кружку Вонифатьева и Неронова. В ноябре их увольняют, и к важному на Руси делу надзора за печатанием книг приходят ставленники Никона.

Реформатор Никон явно недооценивал своих бывших друзей. Неоднократно битые, но несдавшиеся, упрямые, красноречивые, обладавшие незаурядными способностями и сильной волей, они оказались достойными противниками. Если бы они затеяли придворную интригу, если бы они боролись только за личную власть и влияние, то Никон,

пользовавшийся безоговорочной поддержкой царя, легко разметал бы их, и этот мелкий дворцовый эпизод едва бы остался в истории. Но они, начав с дворца, увлекли своей борьбой всех — аристократов, попов, иноков и грамотных крестьян, раздули пламя, которое горело еще очень долго после того, как никого из зачинателей распри не осталось в живых.

Для Никона отрицательные последствия Смутного времени казались достаточным основанием для крутого поворота; в жертву политической стратегии он готов был принести все... Его противники же считали, что устои русской жизни лишь пошатнулись, что нужно укрепить их без коренной ломки и иностранных заимствований.

— Начнете переменять — конца переменам не будет, — говорил Аввакум.

Популярный старообрядческий сборник Петровской эпохи доносит до нас опасения противников Никона уже внятно и с учетом последствий реформ: «Забыли они писанное, что не следует вдруг вводить иностранные обычаи, чины, председательства, отличия, почести, звания, неслыханные в своем отечестве, а также перемену в одежде, обувях, в пище и питье, и в совет о государственных делах не пущать иноземцев, потому что от перемен и необычных дел в государстве бывают большие и страшные смуты... **Не для того не следует принимать иноземцев, чтобы отнимать у них честь или чтоб их ненавидеть, но для того, чтобы по совету иноземцев не произошли в государстве перемены по обычаям и делам их страны, перемены несогласные с нуждами государственными...**»

Споры о крестном знамении, числе поклонов, движении крестных ходов и богослужебных текстах велись и прежде, но это не приводило к расколу.

Теперь же протест защитников старых обрядов был усилен недовольством народа, который связывал чиновничий и боярский гнет с усвоением правящим классом иноземных обычаев. Старообрядцы будут отстаивать не только боро-

ды и русские кафтаны, но и старинное крестьянское право свободного передвижения, право земледельца на обрабатываемую им землю, на старинное самоуправление.

Но это все впереди, а пока у Никона еще была возможность помириться со своими противниками, он мог добиться своего соборным путем. Выражаясь по-современному, он мог многого достичь на началах коллегиальности, но предпочел волевое решение. Он действовал в духе времени — так поступал и царь Алексей Михайлович, не созвавший во второй половине XVII века ни одного земского собора и принимавший решения единолично.

Наступил 1653 год. Не прошло и семи месяцев со дня вступления Никона на патриарший престол, как его прежние друзья выступили против него с открытым забралом...

22

Одиннадцатого февраля вышла из печати новая псалтырь, а на первой неделе великого поста в Казанскую церковь принесли «память», в которой, помимо прочего, было распоряжение Никона креститься по-гречески — тремя перстами.

Не без умысла Никон послал свое распоряжение прежде всего в Казанскую церковь, к Неронову. Это был вызов. И именно к Неронову, а не к Вонифатьеву собралась вся братия. Придворный протопоп уже не был их вождем. Царедворец, как никто другой, знал настроение молодого царя и поддерживал теперь Никона. И хотя ревнители еще долго будут ссылаться в своих спорах на Вонифатьева, он уже не их, он «всяко ослабел».

Аввакум по-прежнему время от времени служил в Казанской соборной церкви и на паперти ее читал народу книги. Он учился этому искусству у Неронова, человека «речиста» и всегда имевшего многолюдную аудиторию, так как в церкви на Красной площади, посреди торжища, «мног народ по вся дни непрестанно бывает».

Читали Неронов и Аввакум и «Пролог», и «Кириллову книгу», и «Книгу о вере», и поучения Ефрема Сирина. Неронов читал со слезой, с «хлипаньем», и толковал темные места простыми словами.

Неронова и Аввакума приходили послушать многие знатные люди и их жены, и здесь завязывались нужные знакомства, раскрывавшие перед безместным протопопом двери известных в Москве домов.

Красноречие и начитанность делают свое дело, круг его знакомых расширяется, число духовных детей из знатных семейств все растет. «Любил протопоп со славными знаться», — признается он впоследствии. Денежные дары богатых почитателей помогают ему жить с семьей довольно безбедно, справить себе и Настасье Марковне дорогие шубы, крытые атласом и тафтой.

Забегая немного вперед, скажем, что так, не у места, но на виду, Аввакум прожил в Москве больше года. Правда, была у него возможность пристроиться в дворцовую церковь «на Силино покойника место», но он не особенно старался, и место ушло.

Аввакум и другие сторонники Нероновы при толковании книг не упускали случая осудить никоновские нововведения или пустить тревожный слух, чем приводили властного патриарха в неистовство.

Вызов Никона прозвучал для них грозно. «Мы же задумались, сошедшеся между собою; видим, яко зима хощет быти; сердце озябло, и ноги задрожали», — так образно и сильно передал Аввакум угнетенное состояние братии, их оправданное предчувствие гонений и прочих бед.

Так они ничего и не решили. Оставив церковь на Аввакума, Неронов удалился в Чудов монастырь, что некогда стоял в Кремле, и там молился и думал. Вернувшись, он призвал епископа коломенского Павла, протопопов Аввакума и Даниила и всю братию. И сказал им Неронов, будто слышал он от образа Спасителя голос, поведавший ему, что России грозит отпадение от веры, что пришло время

страдать и бороться. Семь дней поста, бессонницы и мучительных размышлений привели старика в такое экстатическое состояние, когда собственные мысли вырываются из больной головы и эхом звучат под сводами палаты.

Борьбу начали протопопы Аввакум и Даниил, изложившие взгляды братии в обстоятельной челобитной царю Алексею Михайловичу. С этого несохранившегося сочинения, собственно, и начинается известность Аввакума как писателя и публициста. Теперь всякая его челобитная, всякое послание становится достоянием широкого круга читателей, по достоинству оценивших острый ум и перо протопопа. Тогда они с Даниилом усердно сидели над книгами и делали выписки, среди которых не могло не быть решений Стоглавого собора, предававшего проклятию всякого, кто не крестится двумя перстами.

Царь передал челобитную... Никону. Но попросил его не усердствовать, заниматься нововведениями исподволь, опираясь на церковную верхушку. Алексей Михайлович не терпел в политике никаких крайностей и в деле оказывался тоньше и дальновиднее своих старших современников.

Лишь через несколько месяцев, основательно укрепив свои позиции, начал Никон свою расправу с братией. В подаче челобитной царю не было состава преступления. Но своенравные протопопы не раз нарушали церковную дисциплину. Жалоб на своеволие братии было немало. Вот этим воспользовался Никон и привлек ревнителей к ответственности.

Начал он с муромского протопопа Логгина, который, как и все ревнители, не слишком ладил с местным воеводой. Жена воеводы пришла к Логгину под благословение. Строгий ревнитель благочестия, посмотрев на разодетую, набеленную и нарумяненную дворянку, возьми и спроси:

— А не набелена ли ты?

Тут воевода и другая муромская знать, которым Логгин давно уже стал поперек горла, вступились за женщину. Кто-то сказал ему насмешливо: